

образное выражение в литературе, напоминающее хотя бы и поздний фольклор, пришло к писателю после того как оно оформилось в том или ином устном жанре. При такой постановке вопроса упускается из виду, что у писателя и народного поэта была общая почва, на которой оба творили, общий запас художественных средств, который служил тому и другому для воплощения своего замысла. Этой общей почвой был живой русский язык, который в условиях феодального общества, „как средство общения людей в обществе, был общим и единым для общества, равно обслуживающим членов общества независимо от социального положения“.¹ Этот единый и общий язык, который „превалировал“ над диалектами и „их подчинял себе“,² своим основным словарным фондом³ питал и писателей древней Руси и народных поэтов. В определенном отборе и каждый со своими целями они использовали средства этого основного словарного фонда, в соединении с изменяющимся словарным составом языка.

Общепонятный язык XI—XII вв., когда формировалась русская литература, заключал уже в себе большие художественные возможности и применялся нашими древнейшими писателями с подлинным поэтическим мастерством.

Идейное своеобразие фольклора должно быть на первом плане при изучении роли устной поэзии в истории развития древне-русской литературы.

Выясняя роль фольклора в развитии литературы, М. Горький обращал внимание писателей на то, что „родоначальница книжной литературы“⁴ — устная поэзия трудового народа создала „наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев“.⁵

О фольклоре как отражении „трудового опыта бесчисленных поколений“, о теснейшей связи фольклорных типов с реальной действительностью и с мечтами народа о ее преобразовании, об идейном своеобразии отношения устной поэзии к историческим лицам и событиям писал неоднократно М. Горький. В народной поэзии, по его словам, „заложено неисчерпаемо много прекрасной, хотя в большинстве уже устаревшей мудрости... сжат трудовой опыт бесчисленных поколений“.⁶ О сказке, как о воплощении мечты народа о „лучшей жизни“, писал М. Горький, вспоминая свое детство: „сказки открывали предомной просвет в другую жизнь, где существовала и, мечтая о лучшей жизни, действовала какая-то свободная, бесстрашная сила“.⁷

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12.

² Там же, стр. 13.

³ Там же, стр. 6.

⁴ М. Горький. О литературе. М., 1937, стр. 174.

⁵ Там же, стр. 450.

⁶ Там же, стр. 34.

⁷ Там же, стр. 174.